

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 3 мѣсяца 5 франк.
» 2 мѣсяца 3 »
» 1 мѣсяць 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ

1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные номера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

15⁰⁰ ФЕВРАЛЯ 1883

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Университетская автономія и чиновническій произволъ. — 2) Нѣмецкій ученый 30-хъ годовъ о тогдашней Толстовщинѣ. — 3) Къ университетскому вопросу (письма въ редакцію «Вольнаго Слова»): I. Опрсовъ и студенческія волненія въ Казани. II. Университетскіе урядники. — 4) О письмѣ гг. Михайловскаго и Шелгунова. — 5) Замѣчательный побѣтъ. — 6) Земскіе проекты. III. Елизаветградская записка о препятствіяхъ къ дѣятельности земствъ. — 7) Восемнадцать лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ. IV. З. С. — 8) Польскій проектъ всероссійской политической реформы. X. С. — а. — 9) Изъ бумагъ редакціи «Колокола». I. Иркутское письмо М. А. Бакунина къ А. И. Герцену. (Окончаніе). — 10) Рабочій день и фабричное законодательство. (Продолженіе). В. Г. — 11) Письма о политико-соціальныхъ партіяхъ во Франціи. VI. Союзы рабочихъ и социалистическія фракціи. (Продолженіе). Н. Жебунева. — 12) Извѣстія и замѣтки: Святосъ семьи въ Россіи. — Хотя бы грамотѣ выучились. — Гг. Побѣдоносцевъ и Героглифъ. — Компесія тайныхъ совѣтниковъ и семинаристовъ. — Работа Тверскаго земства и проектъ гг. Кадѣбу. — Вымышленная прокламація.

Жебунева, 15 февраля 1883.

Читатели найдутъ далѣе нѣсколько заготовленныхъ, но все же характерныхъ свѣдѣній о причинахъ волненій въ казанскомъ университетѣ, а также письмо объ университетской инспекціи въ Харьковѣ, которую наши корреспонденты совершенно вѣрно приравниваютъ къ урядникамъ. Свѣдѣнія эти, полагаемъ, прибавляютъ новыя данныя къ вопросу, о которомъ событія послѣднихъ мѣсяцевъ заставляли насъ говорить нѣсколько разъ и о которомъ, впрочемъ, мы все избѣгали говорить подробно, думая, что въ Россіи онъ неразрѣшимъ безъ рѣшенія болѣе широкаго вопроса: объ общей политической свободѣ. Но вопросъ этотъ стоитъ на лицѣ между прочимъ и въ видѣ устава университетовъ, который теперь внесенъ въ государственный совѣтъ, и требуетъ, чтобы о немъ высказались всѣ отъѣлки общественнаго мнѣнія съ извѣстной полнотою. Послѣднее необходимо между прочимъ и потому, что объ этомъ университетскомъ вопросѣ существуетъ до того неясное представленіе и въ самомъ обществѣ, что среди него даже элементы далеко не реакціонные готовы сойтись, хоть по нѣкоторымъ пунктамъ вопроса, съ завѣдомо реакціоннымъ правительствомъ.

Мы уже мимоходомъ замѣтили это, указывая на неудовольствіе, выразившееся въ нѣкоторыхъ либеральныхъ газетахъ противъ университетской автономіи, по уставу 1863 г., которая-де являлась автономіей профессоромъ

гешефтвахеровъ. Неудовольствіе это было бы совершенно законно, если бы оно не сопровождалось отрицаніемъ принципа корпоративной автономіи вообще и удовольствіемъ при ожиданіи устава, который окончательно отдастъ наши университеты въ руки министерства и его агентовъ.

Прежде всего совершенно напрасно бы кто считалъ, что уставъ 1863 г. вводилъ въ Россію полную автономію университетовъ, — а не одно только нѣкоторое административное самоуправленіе старшихъ по службѣ профессоромъ (ординарныхъ и экстраординарныхъ) при постоянномъ однако же контролѣ и вмѣшательствѣ попечителей и министра. Уставъ этотъ, во первыхъ, поставилъ въ совершенно безправное положеніе доцентомъ, — за тѣмъ не только не обезвѣчилъ корпоративной организаціи студентовъ, но разбилъ даже ту, которая фактически уже выработалась жизнью въ 1857—1862 гг. и которая въ нѣкоторыхъ университетахъ (напр., въ Кіевѣ, благодаря управленію Пирогова) достигла весьма широкихъ размѣровъ. Уставъ этотъ, наконецъ, не давалъ главной изъ академическихъ свободъ: свободы науки *). При-

*) Вотъ какъ опредѣляли мы въ одной изъ нашихъ брошюръ, писанной еще во времена Л. Мелковскихъ вѣяній, — когда, послѣ отставки гр. Толстого многіе увлекались иллюзіями о наступленіи мира въ нашихъ высшихъ школахъ, — три круга академическихъ свободъ, существующихъ въ цивилизованныхъ странахъ:

«Академическое общество или даже академическое государство, Civitas academica, какъ говорятъ на Западѣ, общество спеціальное, составленное изъ индивидуумовъ извѣстнаго труда, а также изъ тѣхъ, которые учатся у нихъ этому труду и его приложению. Всего скорѣе можно сравнить школу, особенно высшую, съ фабрикой, въ которой мы видимъ полныхъ рабочихъ и учениковъ, переходящихъ постепенно въ полные рабочіе. Очевидно, что спеціальное это общество должно имѣть извѣстную дисциплину, выходящую изъ сущности процессовъ своего производства и, конечно, соотвѣтственную возрасту членовъ корпораціи. Но очевидно также, что общество это должно имѣть и свою свободу и въ цѣломъ, и въ частяхъ. Свобода эта по отношенію къ окружающей средѣ должна выражаться въ извѣстномъ самоуправленіи, которое бы не допускало до распоряженія въ дѣлахъ корпораціи людей и вѣдомствъ, которыя, не имѣя спеціальной подготовки или имѣя цѣли совсѣмъ противоположныя цѣлямъ корпораціи, портили бы самый предметъ ея производства, — науку. Затѣмъ самый этотъ, такъ сказать, товаръ, наука требуетъ, для успешности своего производства, свободы мысли, т. е. слова, которая поэтому и есть самая главная изъ всѣхъ свободъ академическихъ. Такъ какъ въ высшихъ школахъ въ производствѣ научнаго товара участвуютъ вовсе не одни полные рабочіе, профес-

сомъ нѣкоторая автономія профессорской аристократіи, будучи открыта для административныхъ вліяній, не была поставлена подъ контроль общественнаго мнѣнія свободной печати, а тѣмъ болѣе областнаго представительства. Только въ томъ случаѣ, если бы испробована была такая полная автономія, какаю сейчасъ нами намѣчена, можно бы было рѣшать, годенъ ли негоденъ для нашихъ высшихъ школъ принципъ автономіи.

Совершенно напрасно записываютъ на счетъ автономіи университетовъ и равнодушіе къ наукѣ и гешефтвахерство многихъ изъ профессоромъ. Что въ общемъ теперь научный уровень нашего профессорства повысился противъ прежняго, — это, казалось бы, не требуетъ и доказательствъ. Теперь во всякомъ случаѣ каждый, самый лѣнивый факультетъ можетъ указать на томы сочиненій своихъ членовъ, которыя не безызвѣстны и за границей, тогда какъ двадцать-тридцать лѣтъ назадъ даже сочиненія тогдашнихъ университетскихъ знаменитостей были по большей части компиляціей заграничныхъ книжекъ. Мы справедливо возмущаемся, видя профессоромъ редакторами офиціозныхъ газетъ (Кіевлянинъ, Волжско-Камскій Вѣстникъ) или деректорами грюндерскихъ банковъ, — попомнимъ, что въ Николасевскія времена профессора заурядъ бывали цензорами (одни изъ видовъ заплочнаго мастерства), держали богатыхъ пансіонеровъ, которыхъ проводили въ студенты и кандидаты, при- нуждали студентовъ брать у нихъ уроки передъ экзаменами и брали за это плату даже серебряными ложками. Наконецъ, если уни-

сора, но и ихъ помощники-ученики, студенты, такъ какъ самое усвоеніе этими послѣдними мыслей профессоромъ есть тоже работа, а не пассивное только потребленіе, и работа, требующая, для успешности своего процесса, тоже свободнаго обмена мыслей, то поэтому свобода научнаго слова есть необходимое условіе и для студентовъ высшихъ школъ. Эта свобода слова должна существовать для каѳедры, для научныхъ собраній профессоромъ и студентовъ вмѣстѣ и студентовъ отдѣльно, а также для академической печати. Наконецъ, постоянный совмѣстный трудъ порождаетъ между членами высшей школы, между преподавателями и студентами (порознь и вмѣстѣ), цѣлый рядъ личныя связи, которая тоже естественно влечетъ ихъ къ совмѣстному удовлетворенію чисто личныя потребности: совмѣстнаго преподаванія времени, взаимной помощи и т. п. Отсюда вытекаетъ потребность въ чисто товарищескихъ учрежденіяхъ, каковы клубы, читальни, кассы помощи и т. п., которыя требуютъ для себя тоже извѣстной свободы».

верситетскимъ совѣтамъ можно поставить въ укоръ нѣсколько педобросовѣстныхъ забаллотировокъ достойныхъ ученыхъ (г. Герье во время торжества катковцевъ въ Москвѣ, г. Семевского—цитовическою партіею въ Одессѣ, г. Житецкого и Мищенко въ Киевѣ, благодаря мѣстнымъ катковцамъ), то вспомнимъ, что значительно большее число такихъ ученыхъ выжито было изъ университетовъ, или не допущено въ нихъ ни кѣмъ другимъ, какъ тѣмъ самымъ катковскимъ правительствомъ, которое теперь, говорятъ, должно поднимать научный уровень университетовъ, пониженный будто бы автономіей. Мы перечислимъ лишь примѣры, намъ лично извѣстные: такъ, правительство отправило въ ссылку изъ Петербурга пр. Павлова, изъ Казани Шапова,—оно устранило отъ кафедръ въ Петербургѣ: гг. Костомарова, Пыпина, Спасовича, Стасюлевича, Б. Утина, въ Казани: г. Лесгафта, выжило изъ кievск. ун. г. Зиберы, моск. гг. Гольцева и Муромцева; два раза воспрепятствовало выбору въ Киевѣ г. Костомарова и задержало на нѣсколько лѣтъ приглашеніе на кафедру г. Антоновича и такимъ образомъ держало почти 12 лѣтъ вакантною кафедру русской исторіи въ Матеріи русскихъ городовъ, на смѣхъ всей Европѣ, въ которой по этому поводу нѣмецкія газеты распространяли толки о неспособности русскихъ къ наукѣ. Вслѣдствіе полицейскихъ распоряженій не имѣла права на кафедру Аванасьевъ (авторъ «Поэтич. возвр. славянъ на природу»), который и умеръ въ нищетѣ, въ то время, какъ Киевскій университетъ, нуждавшійся въ профессорахъ русской литературы, возвелъ его въ доктора; въ такое же положеніе былъ поставленъ и славистъ Котляревскій, которому, только благодаря высокимъ покровителямъ, едва позволили потомъ занять кафедру въ Дерптѣ и только уже почти передъ смертью его — въ Киевѣ. Замѣйте же, что всѣ названныя нами имена принадлежатъ къ числу видныхъ именъ въ русской научной литературѣ. Чего же добра можно будетъ ожидать, когда распоряженіе кафедрами перейдетъ всецѣло въ руки прямыхъ агентовъ императорскаго правительства, министра и, особенно въ провинціяхъ, — попечителей, часто генераловъ безъ всякаго понятія о наукѣ? Въ слѣдующемъ №-рѣ читатель найдетъ рецензію на повѣстный научный трудъ академика Безобразова и увидитъ, чѣмъ начинилъ свою книгу этотъ господинъ, выѣсто фактовъ объ экономическомъ положеніи Россіи. А вспомнимъ, что г. Безобразовъ persona gratissima для петербургскихъ официальныхъ сферъ и, при ихъ покровительствѣ, проникъ въ Академію наукъ, не имѣя за собою рѣшительно ни одного солиднаго научнаго труда, тогда какъ, напр., избраніе въ члены академіи г. Пыпина, которому уже одинъ «Очеркъ литературной исторіи стар. повѣстей и сказокъ русскихъ» далъ бы почетнѣйшее мѣсто въ любой ученой корпораціи въ Европѣ, — было постановлено министромъ гр. Толстымъ! Этотъ министръ пожаловался на выборы г. Пыпина въ соответственномъ отдѣленіи академіи самому государю и добился, что дѣло объ этомъ выборѣ было разсматривалось въ особомъ комитетѣ: какъ вы думаете, изъ кого составленъ? — изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ (ген. Тиманова), шефа жандармовъ (ген. Потапова), при учас-

твіи самого гр. Толстого! Вотъ подобныя же «ученые(!) комитеты» будутъ теперь назначать въ наши высшія школы и удалять изъ нихъ профессоровъ!

И есть еще люди даже между либералами и даже между серьезными учеными, которые, указывая на то, что и въ Западной Европѣ по большей части назначеніе профессоровъ совершается при участіи министерства или даже вполне принадлежитъ ему, не находятъ бѣды въ уничтоженіи теперешняго выбора профессоровъ университетскими коллегіями и другихъ проявленій университетской автономіи, скудно допущенной уставомъ 1863 г.! Люди эти забываютъ разницу министерствъ западныхъ и русскіихъ, силу благопріятныхъ наукъ преданій въ западно-европейскихъ обществахъ, въ которыхъ даже въ старейшей самодержавно-бюрократической Пруссіи было записано въ законъ: «наука и преподаваніе свободны». Забывается и то, что на Западѣ разъ министръ назначилъ профессора (по соглашенію съ специалистами, по рекомендаціи университета, часто при участіи представителей города или провинціи), онъ не вмѣшивается въ его преподаваніе, ни вообще въ подробности жизни высшихъ школъ, — которыя въ своихъ дѣлахъ сохраняютъ полное самоуправленіе, и то, что на Западѣ нѣтъ генераловъ-попечителей надъ университетами, ни урядниковъ-инспекторовъ въ ихъ стѣнахъ.

При отсутствіи же въ Россіи всего того, что благопріятствуетъ дѣйствительной академической свободѣ на Западѣ, и при наличности всего урядническаго аппарата въ русскіихъ учебномъ вѣдомствѣ, отъ всецѣлаго подчиненія нашихъ высшихъ школъ этому аппарату нельзя ожидать ничего, кромѣ гибели для науки и разгрома, исключенія и истребленія учащейся молодежи. Последнее уже производится въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Не говоря уже о массовыхъ исключеніяхъ студентовъ высшихъ школъ, со всѣми послѣдствіями этихъ исключеній, — система воспитанія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и отношенія начальства къ студентамъ почти уже уничтожили типъ нормальнаго студента, — учащагося юноши, — а развели 2 типа: нервно-озлобленнаго на все окружающее существа, — террориста по симпатіямъ, если не по дѣятельности, — и карьериста отъ младыхъ ногтей. Чего же дождемся мы въ дальнѣйшемъ будущемъ!? Пусть подумаютъ объ этомъ родители подростокующихъ поколѣній!

Нѣмецкій ученый 30-хъ годовъ о тогдашней Толстовщинѣ. То что продѣлывается теперь въ Россіи со школами и молодежью было продѣлываемо, хотя въ безконечно меньшихъ размѣрахъ, въ Германіи во время господства Метерниховщины, — и нашло себѣ вѣрную оцѣнку въ словахъ извѣстнаго Гервинуса (Historische Schriften. 7-er Band, Ueber Börne's Briefe aus Paris, 388—390, 1839 2-е Ausg.). Мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь слова знаменитаго нѣмецкаго ученаго:

«...въ настоящее время многие приучаютъ себя къ мыслямъ объ лавѣ и къ іезуитскимъ принципамъ... И не смотря на то, что подобный духъ овладеваетъ одною частью нашей молодежи, мы не можемъ видѣть въ немъ ничего, кромѣ ненормальности, ибо молодежь любить все благородное и сочувствуетъ великому, и мы никогда не поверимъ, чтобы подобная любовь и подобное сочувствіе покинули нашу

пылѣющую молодежь. Мы слишкомъ хорошо знаемъ, изъ какого источника вытекаетъ теперешнее угнетенное состояніе этихъ прекрасныхъ качествъ души у такого множества людей. Въ гѣ годы освобожденія (рѣчь идетъ о началѣ 2-го десятилія 19 в.) — наши правительства убоялись воодушевленія молодежи и не размыслили о томъ, что воодушевленіе есть не болѣе, какъ мимолетное опьяненіе, къ тому же естественное и необходимое въ молодые годы; они успали вниманіе и вниманію надзоръ; неумѣреннымъ и направленнымъ на одностороннее образованіе разсудка ученіемъ они загасили въ самой школѣ всякій актъ ранняго развитія юношеской души; они довершили это угнетеніе неумѣреннымъ требованіемъ школьныхъ и академическихъ псалмовъ. Мы не поднимъ, къ чему тутъ скрытыя чуждыя и таинственности, и право не сказываемъ, что эти прославленные нѣмецкія школы суть единственные разсадники той несчастной породы людей, которая, при болѣе широкомъ распространеніи, грозитъ нашему порядку отношеній полнымъ разрушеніемъ. Мы, конечно, не стоимъ за ограниченіе размѣровъ преподаванія въ школахъ, но молодежи должно быть оставленъ тотъ даръ фантазій, въ которомъ только и живетъ она... не слѣдуетъ на мѣсто воодушевленія подвѣрять насъ старческой мудрости, которая гораздо болѣе опасна для нашего спокойнаго развитія, чѣмъ самыя чудовищныя химеры, не слѣдуетъ раними и суровыми испытаніями (examina rigora) отравлять прекраснѣйшее время жизни у молодой души, стремящейся къ свободѣ и независимости... мы спросимъ, изъ какого другаго источника можетъ вытекать лѣность и презрѣніе къ ученію, какъ не изъ того, что угнетительный, несчастливый и перитическій способъ преподаванія въ школахъ отнимаетъ у молодежи вкусъ къ здоровому образованію, и она приходить въ отчаяніе отъ невозможности удовлетворить безсмысленныя требованія экзаменаторовъ? Откуда происходитъ готовность на всякій отчаянный шагъ, какъ не изъ этого недовольства и этой безнадежности? Откуда этотъ хладнокровно-разсудочный выборъ средствъ, какъ не изъ угнетенія того ранняго возбужденія духа, которое такъ прилично молодежи и такъ легко могло бы быть направлено къ добру? Откуда это угнетеніе души, какъ не изъ ранняго образованія разсудка и не изъ иждивенія себя свѣдѣніями, для которыхъ слишкомъ велика еще сила воображенія въ этомъ возрастѣ и слишкомъ недостаточенъ разумъ? Мы спросимъ, въ чемъ было болѣе опасности для государства, культуры и развитія нашего общества въ стремленіяхъ и въ молодежи 1813 года, или въ пылѣющей 1830?»

КЪ УНИВЕРСИТЕТСКОМУ ВОПРОСУ.

I.

Г. Ойрсовъ и студенческія волненія въ Казани.

(Изъ письма въ редакцію «Вольнаго Слова».)

Мнѣ удалось встрѣтиться съ однимъ ученикомъ недавнихъ казанскихъ студенческихъ волненій, изъ разсказовъ котораго я и составляю Вамъ настоящее письмо:

«Въ сентябрѣ мѣсяцѣ оставилъ добровольно должность ректора Казанскаго университета проф. Ковалевскій. Репутація пр. Ковалевскаго среди студентовъ была очень хорошая, — его считали умнымъ, гуманнымъ, добросовѣстнымъ, понимающимъ интересы и нужды студентовъ. Выходъ его въ отставку связываютъ съ критическими недоразумѣніями, возникшими въ свѣтѣ университета, благодаря протестамъ самыхъ ретроградной профессорской партіи, во главѣ которой или представителемъ которой выдвинули обыкновенно проф. русской исторіи Ойрсова. Послѣ оставленія проф. Ковалевскаго, должность ректора, проф. Ойрсовъ временно исполнялъ должность ректора. Первыми дѣломъ Ойрсова были придирки его къ костюмамъ студентовъ. Онъ безъ церемоніи останавливалъ въ корридорахъ студентовъ, носившихъ блузы и ботфорты, и предлагалъ имъ, не считаясь, переменить свой костюмъ. Само собою разумѣется, что студенты не могли исполнить такихъ курьезныхъ требованій проф. Ойрсова, и только выписки случаи доказали Ойрсову абсурдность его требованій. Одинъ изъ прим., студентъ, получившій замѣчаніе на счетъ своего костюма, явился на другой день